

А. Мерзляков

ПАЩАН

КОГДА НЕНАВИСТЬ ЧРЕВАТА ПОСЛЕДСТВИЯМИ

Андрей Мерзляков

Пацан

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Мерзляков А. Е.

Пацан / А. Е. Мерзляков — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-2605-3

История нелегких взаимоотношений отца и подростка сына, живущих в отдалении от людей. Всё вдруг неожиданно меняется, когда к ним забредает непрошенный гость. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5321-2605-3

© Мерзляков А. Е., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Посвящается моим друзьям, которых со мной нет.

Нет, они не умерли, не подумайте ничего плохого! Всё у них хорошо! Они в добром здравии, просто у каждого из них теперь своя жизнь и своя семья.

Даже в раннем детстве я сознавал, что бесконечность – колоссальная бездонная пропасть у нас в головах, сквозь которую мы проваливаемся всю жизнь, проваливаемся, безымянные, безликие и безвестные, и со временем в этой пропасти теряется даже любовь наших родителей. Теряется даже любовь наших матерей. И память. Начисто.

Джойс Кэрол Оутс

От автора

Наверное у каждого из нас бывают в жизни моменты, когда мы очень надеемся, что всё произойдёт, случится, именно так, как мы задумали – ни меньше. Вот и у меня данное произведение было тем самым, на которое я поставил, как говорят люди, всё. В том смысле, что я ждал от данного рассказа много, ждал от самого себя хорошей истории. Насколько это возможно, я старался избежать в «Пацане» временной привязки и не ограничивать себя какими – то подробностями того или иного времени. Я посчитал это правильным решением, что бы читатель сам додумал, когда происходят события книги. Я старался сделать так, что бы все происходящее было приближенно к реальности. Часто, у большинства писателей, бывает в библиографии то самое произведение, которое нам запоминается не прям уж что навсегда, но точно надолго. Я надеюсь, это как раз «то самое». При написании я хотел, что бы эта книга была, простите за выражение, проглочена за один присест. Оставила послевкусие. Что бы история не отпускала, пока она не закончится. Понимаете? Очень хочется знать, что в итоге из моих стараний получилось. Моя четвертая книга, сразу была заявлена по жанру, как «драма», но скорее всего это вышло не так. Это скорее трагедия одного человека. Возможно, даже, что читатель обнаружит в ней и нотки триллера, потому что саспенс в данной книге никто не отменял.

Хочу перед чтением пожелать, мой постоянный читатель, всего самого наилучшего. Сказать спасибо за то, что ты читаешь эту историю. Надеюсь данный рассказ понравится тебе так же, как и мне.

Хочу выразить мою благодарность, тем, кто помогал мне при работе с данными произведениями:

– Дмитрию Мерзлякову за иллюстрации и художественный образ этой книги. За твои замечания, которые я и не заметил бы со своей стороны, как автор.

– Софии Мерзляковой за огромную работу над текстом, моим скопищем ошибок, которые ты с легкостью исправишь, так что я могу не переживать.

– Тамаре Цуровой, моя искренняя любовь и поклон, ты вдохновляешь меня всегда.

Спасибо всем, что нашли для меня место в своих жизнях.

Четвертая моя книга закончена, это очень значимо для меня.

О книге

Давайте я вам расскажу сперва, всё как есть, прежде чем вы начнете читать. Данное произведение – это плод моего воображения. Если вдруг вам покажется, что герои из книги взяты из моей жизни или жизни моих знакомых, друзей, я вас спешу разочаровать – не взяты. Все персонажи и события лишь выдуманные. Справедливости ради, хочу сказать, что мой отец никогда на меня и руку не поднимал, хотя и был строг, так как и положено настоящему муж-

чине. Это если вы вдруг решите провести параллель между отцом главного героя данного произведения и моей семьей.

В этот раз я решил написать, что – то более реалистичное. Жизнь обычного мальчишки. Мальчишки, который хотел увидеть мир вне его дома на ферме, увидеть то, что расстилается там, за полями и лесами. Там, где встает солнце и заканчивается горизонт. Я хотел, что бы читатель мог представить то, что события происходят во времена, когда о телефонах и автомобилях можно было только мечтать. В те времена, когда вместо электричества в старых домах стояли керосиновые лампы или в темноте отливались восковые свечи. Как говорят люди – в давние времена. Времена, когда наших родителей еще не было и в планах у их родителей.

Сразу после бога идет отец.
Вольфганг Моцарт

Глава первая
Отец

В тот вечер он избил меня, избил, конечно, не до полусмерти, но кровь была, потому что один из ударов в его рабочих перчатках угодил мне прямо по губе.

Все началось как обычно. Утром, спозаранку, когда все мои сверстники видят сны, я уже колол дрова. Отец вставал еще раньше, даже когда пил– спал он мало и алкоголь выветривался из его организма так быстро, что мне казалось, если полицейские по какой-то причине попросят подышать его в трубочку, она не покажет ничего, ни одной сотой промилле. Я так думал в свои пятнадцать, и возможно, спорить я не буду, это было очередное заблуждение, которое я занес себе в мозг, как какую-то заразу.

Дрова я перетаскивал в дом, там было специальное место, рядом чуланом. Что – то типа полки прибитой гвоздями и напоминающей навес. Мне нужно было сделать запасы на день. На топку ночью я занимался рубкой ближе к вечеру, но пока не становилось совсем темно. У нас было несколько коз в загоне, а в амбаре мы держали свиней. Приходилось приносить им еду ежедневно. А зимой отец подготавливал запасы корма заранее, что бы скот не подох с голоду.

Я учился дома, потому что школа была так далеко, что на повозке мне бы пришлось ехать почти целый день, что бы попасть на занятия. Поэтому отец, когда мотался в город, в основном за инструментами или выпивкой, привозил книги для меня сюда. По содержанию все они были разномастные, читать я любил и мне это было не в тягость. Отец же называл это моим отдыхом, ну и соответственно вовремя моего мнимого отдыха я должен был читать. Когда он напивался, начинал спрашивать, что да как, словно домашнюю работу. Если я отвечал с запинками, а случалось это очень редко, когда книга была какой-нибудь тягомотиной, вызывающей сон, отец бил меня плетью. Но чаще – заводил в чулан и запирали там до утра. Однажды, когда я не успел нарубить дров, из – за того, что коза сбежала и я носился по полям за ней почти до самого обеда, он запер меня на несколько дней. Несколько дней в кромешной темноте наедине с лопатами, граблями и еще кучей всякого садового инвентаря, благодаря которому нельзя было прилечь спокойно даже на пол.

Сидел на холодном дощатом покрытии, засыпал то сидя, то стоя, опиравшись всем телом на дверь чулана. И думал о том, что придет время и я сбегу с этой гребанной фермы так далеко, как только смогу, буду идти, пока будут идти ноги. Но это были лишь мечты. В чулане или в кровати я думал, как уйду, прощаюсь с домом навсегда. Но это было только в мечтах, потому что осуществить задуманное я не мог, но иногда грезил этим до изнеможения. Иногда я даже представлял, что доберусь до железной дороги, запрыгну в состав и укачу очень далеко от этого места. Там я найду работу, возможно даже физически сложную, где придется впахивать за двоих, но это не страшно – лишь бы платили. Там я встречу любимую девушку, мы заведем

собаку и будем жить все вместе в домике у воды. Но опять же, повторяюсь, это были лишь мечты, которые растворялись в обыденной реальности, как только я видел отца.

– Вылазь, пацан, – открыл он дверь чулана, снимая засовы.

В темноте я терял счет времени. Выходил я оттуда в полуобморочном состоянии, сил чаще не было вовсе.

Отец отвечал всегда одинаково:

– Прости, пацан. Но ты сам виноват.

Отец никогда не звал меня по имени, сколько я себя помню. Даже когда мама была жива. Я ее почти не помнил, только смутные образы, как она заглядывает ко мне в кровать или как держит на руках. Я не мог им верить, потому что они были такими не четкими, что сложно было назвать их вразумительными, а может, все это мне как – то приснилось, что образы остались у меня в памяти, возможно, из сна, а не из детства. Она умерла от дизентерии, когда мне было пять. Так сказал отец, но я почему то ему не верил. Мне казалось, мама просто в один прекрасный день сбежала из этой дыры. Я бы все понял, будь она жива, и если бы она мне это поведала. Я бы даже не обиделся на нее, что она не забрала меня с собой. Возможно, так сложились обстоятельства, поэтому я её не винил ни капли. А возможно, все было как то иначе, знать я точно не мог. Просто придумал себе историю, что она сейчас в лучшем мире, живет в другом городе или даже в другой стране. Пару лет назад я верил, что она вдруг когда – нибудь за мной придет. И как только раздавался стук в дверь, я бежал, надеясь, что это она, моя мама. Но всегда это был кто – то другой: почтальон, знакомый отца или заблудший путник, но не мама.

Отец никогда не был дружелюбен с посторонними. Редко кого впускал дальше порога. Последний раз, кто зашел к нам в дом, был полицейский. Ему то он не стал грубить и не стал выпроваживать. Я подслушивал из своей комнаты тогда сверху, было очень любопытно, зачем к нам пожаловал служитель закона.

– Что – то случилось?

– Да, случилось. Мы опрашиваем всю округу, всех, кто живет в городе и за ним.

– Опрашиваете о чём? – черные, как ночь брови отца невольно встрепенулись.

– Может вы что – то видели или слышали, в лесу. Может нечто подозрительное. Тут неподалеку нашли труп девочки. Она совсем недавно пропала. Возможно, вы слышали крики, или может кого – то видели, бредущего в лес.

– А что я должен был слышать? – смутился отец, словно не слушал полицейского. – В продуктовой лавке мне ничего не рассказывали, был я там вчера. Газет не читаю, так что вы первый, кто мне поведал эту ужасную историю. А что с ней стало? Может с голоду померла, когда заблудилась. Здесь места суровые. Людей здесь живет – по пальцам посчитать.

– Тело девочки изуродовано до неузнаваемости. Её родственники едва ли опознали ее.

– Передайте им мои соболезнования.

– Хорошо, – отозвался полицейский. – Вы не против, если я осмотрю амбар?

– Конечно, конечно. Он открыт. Там мы свиней держим, можете убедиться. Можете и в сарай заглянуть.

– Спасибо. И если что – то вдруг вспомните, номер я вам сейчас оставлю. Звоните в любое время.

– Оставляйте. Но думаю мне и вспоминать то нечего. Мы с сыном редко выбираемся в город. Раз в месяц, не чаще. Работы на ферме по горло. Ну вы знаете. Мы даже людей здесь не видим, в такую глушь только волки загуливают, да и те редко.

– Удачного дня – и полицейский ушел, я понял это по захлопнувшейся двери внизу.

– Тоже мне, нашел убийцу, – пропел возмущенно отец, когда остался наедине с бутылкой. До меня донесся звук, как он ее откупорил.

Потом он удалился на улицу, попристутствовать при осмотре наших имений служителем закона.

Я пытался вспомнить, что было вчера и позавчера. Это же недавно произошло? В голову, словно какой-то паук, заползла мысль. Вдруг отец что – то знает об этом убийстве? Или, возможно, что он к нему как – то причастен?

Видимо я не любил его так, что любой повод не любить его еще больше, пусть и надуманный, вызывал хоть и маленькую, но радость. И мне хотелось винить его во всем, поэтому я так тогда и думал.

В тот то вечер, помню, он разбил мне губу. Просто так. Поднялся наверх и ударил меня. Я помню лишь его стеклянные глаза, будто смотрящие мимо. Мимо меня. Пьяный урод.

Прошел месяц. Работы не убывало, я ежедневно то косил сено, то рубил дрова затупившимся колуном, то кормил скот, то возился на поле.

Отец латал крышу амбара, там, где она обветшала. Это он делал потому, что как то раз, доски прогнили, и, однажды ночью крыша рухнула вниз, прямо на свиней, несколько которых придавило насмерть.

Пару раз отец ездил в город и пил. А дома почти каждый день. Мне хотелось, что бы я однажды зашел утром, а он больше не проснулся. В Библии говорится, что бы мы любили ближних своих, даже если быть точным, возлюбили. У меня было к нему отторжение. Я иногда думал, что может я и не его сын вовсе, потому что таким, как он, я никогда не стану. Я буду другим, кто бы что в книгах не говорил, о том, что сын является отражением отца. У меня были мечты. Я хотел выбраться из этого захолустья во что бы то не стало. Была одна проблема – отца я боялся так сильно, поэтому не мог осуществить пока побег.

Пока не мог.

Отец делал записи, сидя за столом. Сколько собрали сена. Сколько сделали заготовок. Сколько примерно собрали помидор в это лето. Сколько денег необходимо на определенный инструмент и сопутствующие расходы на материалы. Я не лез в его дела и не смотрел в этот журнал, но заведомо знал, что он там пишет и высчитывает. За козье молоко, если таковое было, он в городе выручал неплохие деньги. В будущем думал разводить кур и как то об этом со мной поделился.

– Скоро мы заживем, пацан, – рассказывал он свои планы по поводу увеличения хозяйства.

Мне хотелось, что бы он звал меня по имени, но впечатление было таким, что он его не знал. Словно я был здесь чужой, временный, как скот в амбаре, соответственно, мне казалось, и отношение было аналогичным. Иногда я думал, что к свиньям он относился лучше. Они хотя бы не видели его пьяную небритую рожу по вечерам, когда запах алкоголя заполнял наш дом сверху донизу. Не видели его рожу и утром, когда он только и делал, что проклинал правительство, их дурацкие законы и войну. Он не любил никого.

* * * *

Отец был очень приметный на внешность. Прохожие, повстречавшись с ним, скорее всего запомнили бы его и даже смогли описать, если бы кто то спросил, видели ли вы такого человека и описали несколько выразительных черт. Широкий лоб, глубоко посаженные карие глаза, щетина от уха до уха, к подбородку превращающаяся в бороду. Волосы всегда зачесаны назад, а в карих, на первый взгляд слегка уставших глазах читалось, что этот мужчина себя в обиду не даст. Он чаще носил комбинезон, в духе работников мастерских в городе, а вернувшись с гаража тщательно тер руки в холодной воде, дабы смыть моторное масло. Поэтому кожа на руках стала у него шершавая, и когда я видел его ладони, мне казалось, что из них торчали занозы.

Что бы еще рассказали прохожие? Наверное, присутствующая у него широкополая шляпа, умастившаяся на голове. Она совершенно никак не сочеталась с одеждой, но отца это особо и не волновало. Трубка в зубах, либо самокрутка – присутствовала чаще чем у многих других местных обитателей.

Когда он мотался в город, одевал драповый пиджак с накладными темно – голубыми плечиками, вшитыми в толстую ткань. Обычные брюки того времени и сбитые от ношения туфли, потерявшие первоначанный вид и едва ли хорошо выглядевшие после натирки их краской и воском.

Я был совсем не похож на него. Возможно кто – то из друзей – знакомых отца принял бы меня за далёкого родственника, племянника, или и вовсе за приемыша, но не за сына.

Я встал перед зеркалом и посмотрел на себя. Худые ноги, а руки наоборот, жилистые, от работы в поле. Под глазами веснушки, ярко выраженные скулы, рот, похожий на черту, нанесенную горизонтально карандашом. Глаза схожие с отцовскими, но более юношеские, не озлобленные от прожитого времени.

Я часто себе задавал вопросы и еще чаще придумывал всевозможные ответы.

Хотели ли мои родители меня?

Что бы я, этот некогда маленький карапуз, вырос?

Или мама оставила меня отцу, бросив нас обоих?

Я просто не верил, что ее нет.

У всех должна быть мама.

У меня её нет и я чувствую себя здесь ненужным, не только на ферме, а вообще, на этом свете.

Если меня не станет, отец, мне кажется, даже глазом не моргнет. Сперва он бесстрастно продаст мои вещи, игрушки. Потом, наводя порядок на чердаке, на растопку отправятся мои некогда любимые книжки, где я помечал красным карандашом предложения, которые запали в душу. Затем в огонь отправятся журналы и рисунки. Потом вещи.

А после ветер унесет оставшиеся скрученные куски пепла, раскидает их по полю и холмам, и от меня не останется ничего. Это, мне кажется, очень больно, когда ты не значим. Совсем.

* * * *

– Ну что пацан, может перекусим? Похлебку сделал. Даже мясом пахнет.

– Да, можно.

– Идём.

Я положил колун в сарай, построенный еще до моего рождения. Он стоял рядом с амбаром буквально вровень. В сарае были инструменты, стоял старый автомобиль, который отец из года в год ремонтировал, покупая нужные детали в городе, но каждый раз он все откладывал починку, объясняя это тем, что необходимы были ещё средства, что бы кое что заменить. Но сейчас нет возможности, поэтому может в следующем месяце, году, как появятся деньги, он вновь займется машиной.

Пока мы помылили руки и уселись за стол, посреди нашего двухэтажного домика, на улице стемнело. Отец зажёл свечи и поставил их в подсвечниках на стол.

– Дрова собрать не забудь, – сказал он трезвым голосом.

– Хорошо, пап.

– Не подлизывайся, пацан.

– И не собирался.

– То – то же.

– Можно спросить?

– Валяй, – отхлебнул похлёбки отец. Он сидел напротив меня за столом.

– Полицейский приходил как то.

– Откуда ты знаешь? Да и прошло уже времени, вспомнил тоже.

– В окно увидел его, как он уезжал. Все забывал спросить.

– Ты мне не врешь, пацан? Ты поди подслушивал, о чем мы там разговаривали. А? – отец негромко стукнул ручкой ложки по столу, а потом оскалил зубы, но не злобно.

– Я же говорю, видел в окно. Ты же не любишь гостей, как бы я услышал вас с улицы.

– Выкрутился, ага. Ладно. С трудом верится. Ешь давай.

– Что он хотел то?

– Да чего ты пристал, как пьяный до радио? Когда это было то, говорю? Месяц прошел. – Отец дохлебал суп и уже пил чай, было странно, что не виски. Хотя неудивительно, если алкоголь он плеснул и в чай. – Сказал, что труп нашли девчонки какой-то в лесу.

– Да ну! – попытался выдать удивление я.

– Убита. Все что мне известно.

– Интересно, сколько ей было?

– Доел? Тогда марш спать. Я сам дрова скидаю. Сегодня я добрый, пацан. – проигнорировал он меня, так и не ответив.

– Спасибо, все вкусно было.

– Завтра тяжелый день, ложись иди.

– Хорошо.

И он задул свечи, кроме одной, поджег ей керосиновую лампу и ушел на улицу. Дверь скрипнула, а я уже поднимался наверх в сторону постели.

* * * *

Я проснулся среди ночи от того, что отец на кого – то кричал. Я потер глаза и в пижаме, не одеваясь, прокрался к лестнице. Отец разговаривал сам с собой, опять напился до чертиков.

– Я сказал тебе, что пора менять, – возмутился он глядя на входную дверь. Рядом с его креслом стояла пустая бутылка. В руке он держал еще одну, наполовину наполненную пойлом.

– Да черт тебя дери, мамаша! Вчерашний вечер был сказочный, – отец глянул на бутылку, будто собеседник находился в ней. Потом опять на дверь, где никого не было.

Я вернулся в постель. В таком состоянии лучше не привлекать его внимания, не дай бог оказаться опять в чулане.

Я всегда хотел дать ему отпор. Он уже не так молод, как раньше, и силы, потихоньку забирала у него выпивка и табак, который он смолил из трубки, когда тот имелся. В этом месяце в городе задержали какие – то там поставки, поэтому отец был без табака уже какое-то время.

Я боялся, что если его ударю, или хотя бы просто отмахнусь, то он меня убьёт. Изобьёт до смерти, пока кровь не хлынет у меня изо рта. Только не такую смерть я себе представлял, если умирать, то быстро, не терпя боль по всему телу. А бил отец больно, оставляя минимум синяков на теле, но достаточно ран в душе у меня, у единственного сына. Мне не верилось, что он был когда – то добрее. Он был всегда строг. Он был всегда зол. Я видел лишь пару раз, как он улыбался.

Исходя из всего этого, лучший способ избежать проблем, это было попытаться уснуть. Я положил голову на кровать и накрыл её подушкой, дабы не слышать его крики на воображаемые образы.

Утром я проснулся от его голоса, доносящегося со двора. Прислушался получше, что бы разобрать, что он выкрикивает. Я подумал сперва, что он там же, где сидел вчера: провел целую ночь и это всё еще продолжалось.

– Чертова собака, пошла прочь! – раздраженно кричал он. Голос был трезв.

Я встал, потёр глаза. Еще не разлпшиися веки с трудом открылись. Выглянул в окно с видом на двор.

Отец гнал чёрную собаку от амбара размахивая руками.

– А ну пошла! – он направился к ней.

Мне почему то собака очень напомнила волка, только раскрас был совершенно другой. Она не была облезлой или бродячей, судя по виду. Заметив отца пёс отбежал на пару метров, поджав хвост. Как только отец остановился, собака тоже остановилась и присела. Судя по всему она и не собиралась уходить.

– Вали отсюда! – заорал отец так, что мне даже наверху стало не по себе от его голоса, звучащего будто из глубин преисподней.

Собака фыркнула, отбежала еще на пару метров. Отец взял с земли камень и бросил в неё. Но не попал. Пёс ретировался. Видимо думал, что его здесь накормят. Животных отец по видимому тоже ненавидел, как и людей. Или, возможно, сказывалось утреннее похмелье, что он был так раздражён. Так зол, что сам напоминал бешенную собаку.

Я спустился вниз, умыл лицо, зачерпнув ладонями воду из бочки. Воду мы брали из колодца, неподалёку, за сараем и амбаром, вырытым еще до моего рождения самим отцом. Потом натаскивали в дом, пока бочка не наполнится доверху.

– Проснулся, – услышал я с улицы отцовский голос, едва спустившись по лестнице.

– Да, – досадно отозвался я.

– Тебя дрова ждут. Потом сорняки. Потом поле. В этом порядке, как я сказал. Понял, пацан? – голос отца шёл так же, с улицы, но он по ходу уже возился с машиной в сарае.

Я ответил, что понял. Вышел на улицу, в солнечное утро. Дверь была подперта пеньком.

– Сейчас позавтракаем и я в город. Ты за главного. – Отец выглянул из приоткрытой двери сарая. На лбу его красовалась сажа. Точно ковырялся под капотом.

– Есть, – кивнул я.

– Помнишь правила?

Конечно я их помнил. После порки сложно было забыть. Я продиктовал ему их.

– Никого не впускать. Ни с кем не разговаривать. Если кто – то спросит старших, отвечать, что ты скоро придёшь.

– Всё правильно, пацан. Нам заморочки не нужны. Путники пускай идут нахер. Нас их проблемы не колышат. Запри дверь, как пойдешь работать в поле.

Я кивнул, смотря в ту сторону, куда убежал чёрный пес.

– Что там увидел, пацан?

– Ничего. Задумался, пап.

– Есть пошли. Задумался он. – Отец вышел из сарая и снял грязные рукавицы. В руках его было ведро с мутной водой, сверху, на нем же, раскачивалась чёрная тряпка. Рубашка вся на отце пропиталась пятнами пота. Он стянул её через голову.

Когда он умылся, мы сели за стол. На завтрак была картошка и кукуруза. Отец не сильно хотел есть, а просто ковырял вилкой в тарелке. Я же уплетал за обе щеки. Как может не быть аппетита на свежем летнем воздухе?

– Можно спросить, пап?

– Валяй, пацан.

– Мне показалось, или нет? Собака была у нашего амбара. Чёрная такая.

– Иж ты какой ты у нас любопытный. Это чёртова шавка меня достала. Увидишь её, бери ружье и застрели, я разрешаю. А то она повадилась сюда приходиться, – отец одел картофелину на вилку и поднес ко рту, потом словно нехотя проглотил.

– Она не первый раз пришла? – удивился я.

– Не первый. Вот недавно за амбаром что – то вынюхивала, наглая псина. Да еще гоню её, а она уходить не хочет. А на той неделе вообще на крыльце у нас дрыхла. Я только дверь открыл, она смылась так быстро, что я нихрена и понять не успел.

– Ясно.

– Не вздумай давать ей еды.

– Хорошо, пап.

– Я не шучу, по поводу того, что бы ты её пристрелил, надеюсь, понял?

– Да.

– Ну всё, – отец встал из за стола. – Я поехал, пацан. Посуду помой, как доешь. И мою тарелку тоже.

– Хорошо.

Я слышал скрип колес. Это приближалась павозка, на которой можно было добраться до города. По такой дороге она не ездила только тогда, когда дождь размывал накатанные колеи. Или когда снег шел так сильно, что от нашего дома оставался только второй этаж, а первый утопал в сугробах.

Отец взял трубку со стола, сунул за пазуху свою книгу учета и удалился, отсалютовав мне напоследок. Скорее всего без бутылки он не вернется. А может приедет к вечеру, прихватив с собой побольше, чем одну единицу пошла. В итоге я не ошибся.

* * * *

Я вырвал все сорняки, помыл посуду, накосил сена и притащил его в амбар. Накормил нашу живность. Жара стояла дай боже. Лето все-таки. Отец вернется не раньше вечера, а сейчас только середина дня, так что я сегодня могу заниматься, чем хочу. Может это и есть счастье?

Сначала я забрался на чердак, пыльный и окутанный по углам паутиной. Там валялись старые газеты. Некоторые из них от времени потеряли первозданный вид, и соответственно текст на них был теперь не читаем, а в некоторых случаях отсутствовал вовсе, стершись.

Еще раз повторяю, что читать я любил, всё, кроме отцовских книг. Просидев на чердаке без дела и надышавшись пылью, я решил побаловаться ружьем. Оно лежало в металлическом ящике в комнате отца. Дужка у замка всегда была не продета в паз. Замок просто был наброшен, что бы дверца не болталась. Я вынул замок и вытащил гладкоствольное ружье, тяжелое, словно гирия. В шкафчике лежала коробка красных патронов с серебряным основанием. Их я трогать не стал, они, я знал, были по счету.

Я вскинул ружье, целившись сперва просто в стену. Пальцы руки я держал на спусковом крючке. Сделал вид, что стреляю. Даже представил, как в стене появляется дыра от выстрела и улыбнулся. Потом я направился к окну, перебегая от стены к стене, как бы прячась за укрытиями, как это делают парни в вестернах, когда начинается заварушка с последующей пальбой куда не попадя.

Я выглянул вместе с ружьем на улицу из окна и целился сперва в амбар, затем в сарай. Сделал еще несколько выдуманных выстрелов, смешно их озвучив. Но вскоре опустил стальное ружье, покрытие которого ослепляюще блестело от лучей солнца. На улице возник пёс, тот самый, про которого рассказывал отец. Пес сидел между сараем и домом, так близко, что если бы я вышел из дома, скорее всего налетел бы на него. Тёмный окрас и маленькое белое пятно сбоку. Он наострил уши и смотрел на меня черными глазами – бусинами. Потом тихо гавкнул, как бы говоря " Все, ты поймал меня, сдаюсь".

– Кыш, – крикнул я сверху, хотя мне не хотелось того, что бы он ушел.

Мне было интересно. Было интересно, чего он постоянно сюда приходит. На мои слова он никак не отреагировал, только зевнул во всю пасть не сводя глаз с окна второго этажа.

– Отец если придёт, то застрелит тебя, так и знай, – сказал я собаке. Та словно поняв человеческую речь, заскулила. Или мне почудилось?

Я взял ружье с собой и спустился вниз. Патроны трогать не стал. Я был уверен, что собака не представляет никакой опасности. Она просто раздражает отца, он ведь здесь хозяин, без его ведома соваться сюда запрещено даже животным.

Пёс сидел все там же. Вновь зевнул при виде выходящего из дома меня. Принюхался. Я аккуратно присел рядом, положил оружие. Животное не сводило с меня чёрных глаз, а хвост его отбивал чечётку по земле, поворачиваясь то направо, то налево.

– Не бойся, малыш, – протянул ему ладонь я. Тот слегка отпрянул, а потом подставил мордочку, что бы его погладили, что я в итоге и сделал. Шерсть была мягкой, словно перина.

– Хороший мальчик, – сказал я своему новому другу.

Пёс прижался к земле, не переставая вилять хвостом. Он казался голодным и когда я спросил, хочет ли он есть, пёс гавкнул в ответ с согласием. Ну или мне так показалось – по собачьи я мало что понимал.

Я взял ружьё и направился в дом, пёс последовал следом. На пороге я остановился, поднимаясь на дощатое крыльцо, которое всё планировал заново перекрыть отец, так как доски разбухли во время сезона дождей и потеряли первоначальный вид.

– Тебе в дом нельзя, – изобразил руками собаке жест запрета я, удерживая ружье под мышкой. – Жди тут, сейчас я что-нибудь принесу поесть, дружок.

Собака словно опять поняла и послушно вернулась туда, где сидела, когда я первый раз вышел из дома.

Умный питомец, не иначе. Если отец вернётся раньше и увидит меня с ним – запрет вновь в этом гребанном чулане. И изобьет. А этого я не хотел больше всего на свете. Мне просто не хватало кого – то, с кем я могу побыть. Кого – то помимо отца. И встреча с этой собакой развеяла мою обыденную жизнь с работой на поле, бесконечной рубкой дров и придирами отца по поводу и без.

Может мне просто не хватало друга и я чувствовал себя одиноким и никому не нужным в свои пятнадцать?

Я думал тогда, что моя жизнь дерьмо. Пустая, беспросветная каторга. Тогда я и думать не мог, что вскоре все покатится в такую пропасть, которую я бы назвал не иначе, как ад.

Все началось, конечно, с этого пса, будь он проклят.

Судьба преподносит нам порой такие сюрпризы, что, словно какая – то черная тень, возможно тень дьявола или кого – то ещё, из мест забвения, нависает над тобой, будто грозовая туча. И ты осознаешь, понимаешь, что иного пути нет, как бы ты не старался – свернуть с этой тропы уже не получится. Время жить и одновременно время умирать. Может не телом, но душой точно.

Да, скоро случится что – то плохое.

Ты чувствуешь, как оно приближается по рельсам судьбы?

Я вернулся с булкой хлеба. Зря я взял её целиком, а не отломил часть, но об этом чуть позже.

– Держи, – бросил я хлеб псу, оторвав от булки кусок, который умещался примерно в ладонь.

Тот радостно подскочил и впился в еду зубами. Себе я тоже оторвал кусочек, который тут же частично последовал мне в рот. Отец ненавидел, когда я отдираю от булки части. – Хлеб, – говорил с упреком он, – святая еда, которая спасла нас и наших солдат на войне от голода, его нужно резать, вбей себе это в свою пустую голову. Ты должен уважительно относиться к этой булке. Возможно, она и тебе спасет жизнь.

Я же не слушался. Не маленький уже. Ту часть, которая осталась отцу, я потом обрежу ровно ножом, на всякий, что бы не угодить в дальнейшем в чулан или не схлопотать затрещину.

Собака проглотила кусок и направилась ко мне, глядя на зажатую булку в руке. Тут я вспомнил, что забыл ружьё в доме. Мне ничего не угрожало, просто нужно не забыть убрать его на место, дабы избежать допроса – «что да почему».

Я глянул на пса. Тот в наглую тянулся за оставшимся куском у меня в руке. Я убрал руку. Нужно оставить хлеба отцу, иначе "тюрьмы" мне не избежать.

Пёс вдруг зарычал и оскалился. Глаза его налились злобой и он, такое сложилось чувство, приготовился к прыжку. Я остолбенел.

Это потому что я не отдал ему всю булку?!

Пёс залаял, как безумный. Белые клыки засверкали в розовой пасти, оттуда же брызнула слюна.

– Тише, тише, – попятился я.

Хлеб выпал из рук и пёс вцепился в него, откусывая большие куски. Он, то и дело поднимал морду и злобно смотрел на меня. Я сделал шаг назад и споткнулся о ступеньку крыльца. Собака рванулась ко мне. Я едва успел закрыть лицо рукой. Челюсть пса сомкнулась на моей кисти, ниже локтя. Я заорал, боль пронзила руку и разлетелась болезненной вспышкой по всему телу. Пес драл мне руку, а я со страху превратился в безжизненный мешок. Что – то теплое потекло по ладони. Кровь. Наконец я пришел в себя и попытался скинуть бешенную псину. Шлепнул её по морде дважды. Бестолку.

Зубы попали на кость и я почувствовал ужасный скрежет где – то в голове, словно наживую мне вырывали зуб тисками для печи.

Тут вдруг что – то громыхнуло. Я оглох. Кто – то стрелял, стрелял так близко, что звук выстрела лишил меня на какое-то время слуха. Собака обмякла и свалилась на бок с открытым ртом, из которого сочилась кровь. Моя кровь. В туловище собаки я увидел огромное отверстие, там же, отсутствовала шерсть.

Я отдёргнул раненую руку и прижал к себе. Поднял глаза. Гул сердца отдавал в виски и мир начал плыть, отдаляться, будто я смотрел в подзорную трубу, только эффект был совершенно противоположный. Предо мной стоял отец, в руках он держал своё ружье, направленное в мою сторону. На лице его вырисовывалась злость, на шее пульсировала вена.

– Почему ты никогда меня не слушаешь?! Я тебе что сказал, пацан? Не корми этого чертового пса!

Отцовский запах перегара слегка опередил последующий его удар, добравшись до моего носа первым. Я упал лицом наземь и потерял сознание. Мне показалось, что я умер в тот день. И опять, оказалось, я ошибся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.